

темам меньшую атомизированность. Так, в 2003 г. на юге области прошли перерегистрацию 28 региональных отделений партий, в ХМАО — 20, в ЯНАО — 12.

В то же время избирательный потенциал является проблемой большинства региональных и местных отделений партий. Под избирательным потенциалом мы понимаем способность партии обеспечить победу своих кандидатов на выборах. Он определяется тем, какие ресурсы партия способна задействовать: организационные (сплоченность и профессионализм «штабов», широкая сеть партячеек), финансовые, административные, информационные, идеологические (программа, идеологические символы), PR-технологии. В избирательный потенциал может трансформироваться популярность политического лидера, его персональные качества, харизматичность. Наконец, избирательный потенциал определяется готовностью избирателей поддерживать эту партию, что, в свою очередь, производно от вышеперечисленных факторов. Но, учитывая фактор деполитизации населения, низкую популярность местных отделений партий, их приход в структуры региональной и местной власти, скорее всего, будет определяться поддержкой властей и экономических акторов. Беря во внимание ориентированность региональных элит на Кремль, естественно ожидать, что под выборочное покровительство попадут региональные отделения «партии власти».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайрулин Р. А. Из истории народного фронта Тюмени // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформация общества: опыт уходящего столетия / Под ред. А. А. Штырбула. Ч. 2. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 146–152.
2. Мелешкина Е. Ю., Анохина Н. В. Электоральное поведение россиян как модель «воронки причинности» // Полития. 2001–2002. № 4 (22). С. 25–43.
3. Туровский Р. Ф. Выборы законодательных собраний в 1997 г. // Политические процессы в регионах России / Отв. ред. Р. Ф. Туровский. М.: Центр политических технологий, 1998. С. 182–245.
4. Люхтерхандт-Михалева Г. Избирательный процесс и партии в российских регионах // Выборы и партии в регионах России / Под ред. Г. Люхтерхандт-Михалевой. М.; СПб.: ИГПИ; Летний сад, 2000. С. 142–169.
5. Гельман В. Изучение выборов в России: исследовательские направления и методы анализа // Выборы и партии в регионах России / Под ред. Г. Люхтерхандт-Михалевой. М.; СПб.: ИГПИ; Летний сад, 2000. С. 12–43.

Игорь Геннадьевич ШИШКИН —
доцент кафедры документоведения,
историографии и источниковедения
факультета истории и политических наук,
кандидат исторических наук

УДК 94(47157):930

ПУТИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ XV–XVII ВВ.

В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КОНЦА XX В.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена раскрытию основных тенденций в новейшей отечественной исторической науке по вопросу о генезисе российской государственности XV–XVII вв.

The author tackles new tendencies in historical studies in contemporary Russia connected with the issue of the genesis of statehood in the XV–XVII century Russia.

Одной из наиболее популярных проблем в современной историографии является проблема генезиса российской государственности XV–XVII вв. и управления русскими землями в период создания единого Русского государства. Различные аспекты данной проблемы освещены в работах целой плеяды известных отечественных историков: Ю. Г. Алексеева, Д. Н. Альшица, А. В. Антонова, И. Л. Андреева, В. Артамонова, С. Н. Богатырева, В. А. Волкова, Н. Ф. Демидовой, Г. П. Енина, В. Кивельсона, В. В. Клоботюка, А. Н. Котлярова, М. М. Крома, М. Г. Кротова, В. А. Муравьева, Н. Е. Носова, А. П. Павлова, В. М. Панеяха, Т. И. Пашковой, И. О. Тюменцева, А. И. Филюшкина, В. В. Шапошника, С. О. Шмидта, Ю. М. Эскина и др. Учеными исследуются история органов управления в российском государстве, эволюция сословно-представительной монархии в абсолютную, роль бюрократии в этом процессе, формирование сословий, вопросы феодальной собственности.

В годы «перестройки» ряд публицистов пытался представить некоторые органы управления, имевшие место в Московском государстве, как элементы демократической традиции. В связи с публикацией работ В. О. Ключевского, в частности его труда «Боярская дума Древней Руси», в некоторых изданиях писалось о Боярской думе как органе демократии на Руси. Да и в современной историографии продолжают раздаваться призывы к изучению демократических традиций в системе управления Российским государством [1]. По большому счету вряд ли они состоятельны.

Те не менее, в период складывания единого Русского государства действительно стал меняться характер взаимоотношений между верховной властью и Боярской думой. А. Н. Медушевский отмечает, что «аристократическая элита претендовала на участие в принятии решений, при котором великий государь выступал бы как первый среди равных». Со времен Ивана III, пишет историк, верховная власть этому стала противиться и «результатом стал конфликт боярства и монархической власти, приобретший значение наиболее фундаментального противоречия политической системы Московского государства». Ученый характеризует меры, принятые верховной властью по ограничению полномочий Боярской думы, принципиальному изменению ее состава и др. [2].

В. И. Буганов полагает, что в результате этих мер «Боярская дума превратилась в постоянный совещательный орган при верховной власти» [3].

Исследователи признают, что характерной чертой политической системы конца XV–XVI вв. является оформление приказной и дворцовой систем как центральных органов государственной власти. Данный процесс растянулся почти на столетие. Имеются различные оценки и суждения о сущности этой системы. Напомним, что одним из первых в советской историографии проблему возникновения приказов обозначил А. А. Зимин, связав их создание с реформами Ивана IV в 50-х гг. XVI в. Известный советский специалист по истории государственных учреждений дореволюционной России Н. П. Ерошкин считал, что приказная система прошла в своем развитии ряд стадий: приказа (в буквальном смысле слова) как разового поручения; приказа как постоянного поручения (типа «пути»); приказа избы (канцелярии); приказа как государственного органа с самостоятельными структурами, подразделениями.

Некоторые исследователи связывают появление приказов с возникновением нового сословия — дворцовых служилых людей, часть которых находилась в войске, а часть имела поручения великого князя — приказы. По их мнению, данную систему закрепил Судебник Ивана III [4]. Авторы не обратили внимание на замечание А. А. Зимины о том, что значение первых ростков приказной системы не стоит преувеличивать. В то же время А. Л. Хорошкевич отмечает, что уже в княжение Ивана III «начал складываться централизованный государственный аппарат. В составе Казны формировался штат дьяков; зарождалась приказная система управления» [5].

Р. Г. Скрынников, анализируя деятельность одного из самых древних приказов Русского государства — Казенного (1512), предположил, что он сначала осуществлял задачи общегосударственного значения (дипломатические сношения, ямские, поместные дела и т. д.), но даже после обособления соответствующих приказов продолжал играть значительную роль. Однако автор полагает, что только реформы середины XVI в. создали прочную систему приказного правления [6]. К такому же выводу склоняется и В. Б. Кобрин [7].

Ю. В. Кривошеев пишет о связи между становлением приказной системы и увеличением роли в государственном управлении неродовитых, но грамотных чиновников — дьяков, которые были реальными исполнителями предначертаний великокняжеской власти. Они образовали первоначально аппарат Боярской думы, дворца, а затем и приказов [8]. Ю. Г. Алексеев полагает, что лишь в 60–70-е гг. XVI в. «в своих первичных чертах может быть прослежена новая — приказная система управления». Он считает, что именно правление Ивана Грозного стало временем становления приказной системы управления. Процесс образования приказов (сначала «изб», «дворов»), где грамотные чиновники-дьяки исполняли регулярные поручения великого князя, затем царя, растянулся на несколько десятилетий. С расширением круга задач дьяков «для письма» давались чиновники поменьше — подьячие, в приказах появились столы, которые могли делиться на поветья [9].

По словам В. И. Быстренко, «с конца XV и в течение XVI в. сложилась новая (по сравнению с периодом феодальной раздробленности) система центрального управления — приказная» [10].

Современные исследователи не оставили без внимания и проблему формирования в Русском государстве системы местного управления. Ю. Г. Алексеев считает возможным говорить в целом о «реформе местного управления» применительно к последним десятилетиям XV в. 80–90-е гг. XV в. он называет эпохой, которая «составляет качественный рубеж, отделяющий старую удельную Русь от нового централизованного государства и открывающей перспективу дальнейшего развития Русского государства XVI в.». По его наблюдениям, именно к этому времени «относятся правительственные акты, регулирующие деятельность местных органов власти — наместников и волостелей, и формирующие основные принципы суда и управления».

Ю. Г. Алексеев считает, что Иван III для удержания и упрочения власти был вынужден обратиться к началам земского общественного устройства. Он продолжил земские традиции самоуправления, только теперь уже на новом — общегосударственном и общерусском законодательном — уровне. Московское правительство напрямую обратилось к практике местных выборных властей [11]. Ю. В. Кривошеев видит причину возвышения «самодержавной» власти Ивана III в земстве, опирающемся на широкие слои населения. Историк пишет, что именно в этом заключается суть внутренней политики царя и его заслуга в строительстве единого Русского государства [12].

Большое внимание исследователей привлекает земская реформа середины XVI в. Так, В. И. Быстренко отмечает, что в ходе реформы «в уездах и волостях, где не было помещичьего землевладения, черносошные и дворцовые крестьяне и посадские люди получили право выбирать «излюбленных голов» (старост) и «лучших людей» — земских судей, целовальников». Автор констатирует, что «к концу XVI в. в России сложилась система государственных учреждений в центре и на местах, для которой уже были характерны некоторая бюрократизация, иерархия учреждений (Боярская дума — приказ-наместник) и чинов (судья Приказа — дьяк — подьячие), бумажное делопроизводство, а также зачатки выборности управленцев, но в самом низшем звене» [13]. Постоянное обращение к мнению земского общества в 40-е гг. XVI в., видимо, приводит к идее созывов Земских соборов.

Справедливым представляется наблюдение Е. Г. Анимица и А. Т. Тертышного о том, что «в конце XVI — начале XVII вв. в Российском государстве заметно обострился конфликт между двумя принципами организации государственного управления: земским и активно насаждаемыми сверху элементами бюрократической организации». Они отмечают, что Смутное время потрясло основы Российского феодального государства, когда «центральные органы управления и власти были практически парализованы и в значительной степени утратили контроль за положением дел в стране. Единственной реальной политической силой стало земское управление на местах, значительно окрепшее в Смутное время» [14].

Особой функцией государственного управления обладал Государев двор. Деятельность Государева двора, формирование которого началось еще в удельное время, а исчезновение приходится на эпоху Петровских времен, исследовалась М. М. Бенциановым, А. А. Зиминим, А. Н. Котляровым, М. Г. Кротовым, В. Д. Назаровым, А. П. Павловым и др. историками.

Ранняя история Государева двора нашла свое отражение в работах А. Н. Котлярова и В. Д. Назарова. В. Д. Назаров пишет, что Государев двор как «институт социальной организации преимущественно господствующих общественных слоев в России» возник в конце XII в. на базе дружины и включал членов Княжеской думы, дворцовых слуг, представителей местных корпораций, а также княжеских дворян. Автор отмечает, что в XIV–XV вв. происходило объединение дворов русских княжеств с двором великих князей московских [15].

М. М. Бенцианов проследил его эволюцию на важнейшем этапе становления единого Русского государства. Он проанализировал Государственный двор во взаимосвязи с эволюцией различных территориальных корпораций в конце XV — середине XVI вв., определил особенности функционирования государственного аппарата, разработки и реализации правительственных реформ с учетом интересов этих корпораций и московского правительства в условиях завершающейся централизации Русского государства.

По словам М. М. Бенцианова, Государев двор представлял собой в то время особое военно-политическое и военно-административное объединение служилых людей, игравшее важнейшую роль в жизни Российского государства в XV–XVII вв. На протяжении всего этого периода менялись положение, внутренняя структура и функциональные обязанности Государева двора. Неизменным оставался привилегированный статус, обусловленный местом Государева двора в системе органов власти. Автор считает, что «Государев двор осуществлял функции государственного аппарата власти. Центральный орган управления Русского государства — Боярская Дума — являлся составной частью Государева двора. Из среды Государева двора комплектовалась также местная администрация». В то же время автор пишет, что «Государев двор выступал и как своеобразный «представительный» орган, объединявший в своем составе наиболее заметных выходцев из территориальных корпораций. Отсутствие в системе Русского государства сословно-представительного института до введения Земских соборов усиливало значимость данной функции Государева двора» [16].

Проблема взаимоотношения Государева двора и «провинциального дворянства» в середине XVI в. рассмотрена А. А. Зиминим и М. Г. Кротовым. А. А. Зимин на фоне истории отдельных родов и фамилий проанализировал деятельность и состав Боярской думы, определил направления дальнейшего исследования Государева двора.

А. П. Павлов изучал Государев двор в качестве системообразующего элемента функционирования русской государственности XVI — начала XVII вв. По его словам, Борис Годунов, проводя преобразования Государственного двора, имел в виду

«интересы верхушки служилого сословия — московской знати в целом». Автор полагает, что «эта верхушка двора возвышалась не только над рядовым уездным дворянством вообще, но и над высшим его слоем — выборными дворянами, которые лишь периодически привлекались к несению московской дворовой службы и не играли большой роли в центральном аппарате управления» [17].

В. Д. Назаров полагает, что «в XVII в. члены Государева двора сохранили основные функции и привилегии» и лишь «в эпоху оформления абсолютизма в России прежний Государев двор прекратил свое существование после 1713 г. в ходе реформ Петра I» [18].

Современные исследователи пытаются проследить и то, каким образом в XVII в. менялись составляющие политической системы России. Е. Т. Анимица, В. И. Быстренко, И. А. Исаев, А. Т. Тертышный и др. авторы указывают на кардинальные изменения, которые произошли в России XVII в. в системе местного самоуправления. По словам Е. Т. Анимицы и А. Т. Тертышного, «на протяжении XVII в. деятельность Земских соборов постепенно сходит на нет, приходило в упадок и местное самоуправление. Произошел решительный поворот от земского управления к бюрократическому приказно-воеводскому управлению» [19]. И. А. Исаев считает, что в XVII в. происходит «реорганизация местного управления: земские, губные избы и городовые приказчики стали подчиняться назначаемым из центра воеводам, принявшим на себя административные, полицейские и военные функции» [20].

В. И. Быстренко таким образом характеризует причины сворачивания деятельности Земских соборов: «С 60-х гг. XVII века земские соборы перестали собираться: правительство окрепло и уже не нуждалось в «моральной» поддержке «всей земли» [21]. В. Д. Назаров считает, что «в условиях эволюции государственно-политического строя России к абсолютизму Земские соборы потеряли значение к концу XVII в.» [22].

Неотъемлемой частью политической системы России в XVI–XVII вв. было местничество, которое представляло собой своеобразную систему замещения высших рангов по породе, по знатности. Изучением местничества в современной историографии занимаются А. П. Павлов, Р. Г. Скрынников, С. О. Шмидт, Ю. М. Эскин, А. Л. Юрганов и др. исследователи. Однозначной трактовки этого явления в отечественной историографии не существует. Имеется несколько различных взглядов на природу местничества: для одних исследователей это регулятор «службы по отечеству»; для других — специфический институт, имеющий феодальную природу; третьи полагают, что в основе местничества лежит архаическая форма борьбы родовой знати против государственных начал. Новый импульс в изучении местничества дает труд Ю. М. Эскина, собравший в едином хронологическом реестре все данные о местнических случаях XVI–XVII вв.

Подробно рассмотрела систему комплектования государственных учреждений служащими, содержание дьяческого аппарата, участие бюрократии в формировании идеологии абсолютизма Н. Ф. Демидова. Автор отчетливо прослеживает тенденцию численного увеличения управленческого аппарата во второй половине XVII в., полагая, что именно «в последнее десятилетие века складывался исполнительный аппарат русского абсолютизма». В монографии Н. Ф. Демидовой впервые была рассмотрена тема мздоимства («кормления от дел») в управленческих структурах XVII в. Она выделила несколько видов подношений в приказах и сделала предположение, что доходы, получаемые большинством подъячих «от дел», в несколько раз превышали размер их денежного оклада [23].

Историки далеко не единодушны в выводах о степени централизации и развитости управленческой системы в России XVII в. Так, Г. П. Енин, Н. Е. Носов и П. В. Седов обращают внимание на архаичность аппарата управления в XVII в. Ис-

следуя практику делопроизводства московских приказов, П. В. Седов пишет, что не следует переоценивать степень бюрократизации аппарата управления XVII в., сохранявшего во многом архаичные черты предшествующего времени. Проявление средневековых черт в системе управления проявлялось, прежде всего, в системе обеспечения приказного аппарата, которое осуществлялось преимущественно за счет населения. В этом заключается отличительная особенность формирования аппарата управления российского самодержавия [24].

Исследование процессов формирования в едином Русском государстве центральных и местных органов управления побудило современных исследователей обратиться к изучению проблемы генезиса абсолютизма в России. По мнению Н. Е. Носова, в развитии государственного строя России XVI в. боролись две тенденции: «самодержавно-крепостническая» и «сословно-представительная». Отмечая широкие земские традиции, историк характеризует политическую систему России XVI в. как «сословно-представительную монархию» [25].

Следуя исследовательской логике, С. О. Шмидт приходит к выводу, что тезис об установлении самодержавия в России в конце XV–начале XVI вв. не требует доказательства. По его мнению, «истоки русского абсолютизма... обнаруживаются уже во второй половине XVI в.» Однако модель абсолютизма в России была несколько иной, нежели в Европе, в силу специфических особенностей России.

По мнению С. О. Шмидта, существование Земских соборов в эпоху Ивана Грозного не противоречит тезису о формировании в России в это время абсолютизма. Он пишет, что хотя «они играли серьезную роль в создании единого государства», однако это не означает, что политическую систему XVI в. можно охарактеризовать как сословно-представительную монархию, т. к. к этому времени сословия не сложились. Цель соборов, этого, по выражению С. О. Шмидта, «декоративного органа», была в том, чтобы создать иллюзию привлечения «лучших сил» к делам государственного управления [26]. Данную точку зрения разделяет и М. М. Кром [27].

Апеллируя к западноевропейской традиции, где развитие парламентаризма в XVI в. сопутствовало развитию абсолютистских начал в государственном управлении, С. О. Шмидт полагает, что нечто похожее было и в России, «где в середине XVI в. первые сословные учреждения и в центре (Земские соборы) и в провинции оформляются тогда же, когда становятся заметными первые признаки русского абсолютизма». В то же время исследователь подчеркивает, что в России XVI–XVII вв. имела место не столько централизация, сколько бюрократизация управления. Особую роль в этом процессе С. О. Шмидт отводит дьякам и дьяческому аппарату, которые не только укрепляли управленческие структуры, но и оказывали огромное влияние на формирование «идеологии русского «самодержавства» [28].

По мнению В. А. Муравьева, «русский тип абсолютизма в некоторых отношениях сходен с абсолютизмом стран Центральной Европы. Первые его предпосылки проявились во второй половине XVI в. Царь Иван IV Грозный пытался придать термину «самодержавие» новый смысл — самовластие...» Однако социально-экономический и династический кризис конца XVI — начала XVII вв. несколько замедлил становление русского абсолютизма [29].

Из многих проблем политической истории средневековой России, которые разрабатываются в современной историографии, хотелось бы остановиться еще на одной.

Большой интерес у исследователей вызывают те социальные сдвиги, которые происходили в России в XV–XVII вв. В работах И. Л. Андреева, А. В. Антонова, М. М. Бенцианова, В. И. Буганова, Я. Е. Водарского, В. М. Воробьева, А. Я. Дегтярева, Э. Л. Дубмана, Ивина, В. Б. Кобрина, А. Н. Котлярова, И. П. Кулаковой, В. Д. Назарова, П. Н. Петрова, Р. Г. Скрынникова, С. И. Сметанина, Б. И. Соловьева, А. Л. Станиславского, С. З. Чернова, О. А. Шватченко, А. Л. Юрганова и др.

авторов говорится о развитии высших сословий в России в период становления единого государства. Особое внимание уделяется проблеме феодальной собственности [30].

Высказываются различные мнения по поводу времени формирования сословий в России. В ряде работ стало модным отрицать наличие сословий в России до конца XVII–XVIII вв. [31]. Л. П. Данилова считает: «Сословие — категория историческая. В общественном развитии составляющие социум сословия эволюционируют, меняют свой облик и статус. Но само возникновение и существование сословий — закономерно обусловленный процесс: сословия появляются вместе с государством. По сути дела это разные стороны одного и того же явления. Собственно говоря, раннеклассовая государственность и представляла в виде иерархии сословий и сословных групп» [32].

Заметным историографическим фактом в современной исторической науке, раскрывающим суть этих процессов, стали работы А. А. Зимина, который подробнейшим образом проанализировал изменения, происшедшие в социальной структуре страны на рубеже XV–XVI вв. Автор подчеркивал явную небуржуазность проходивших в то время процессов: города являлись прежде всего административными центрами, практически отсутствовало третье сословие и т. п. А. А. Зимин отмечал, что политика объединения и централизации земель не только вела к росту эксплуатации крестьян как основной категории населения, но и к закреплению этого сословия. По мнению ученого, социально-политическая структура Русского государства отражала незавершенность процесса централизации и формирования сословий. Ее иерархию он определял следующим образом: «Наверху ее находился полновластный великий князь, далее следовали его ближайшие родичи — удельные служилые князья, сохранившие остатки суверенных прав». Следующую прослойку феодальной аристократии составляла княжески-боярскую знать. Рядовая масса служилых людей разделялась на государев двор и детей боярских [33].

А. А. Зимин проследил процесс генезиса правящей аристократии, формирования титулованной и нетитулованной знати и пришел к выводу, что процесс формирования боярской аристократии растянулся на столетия и завершился лишь к середине XVII в., причем эти процессы были синхронны процессу централизации государства. По его мнению, состав титулованной знати не был однородным. К верхней прослойке принадлежали старомосковские княжата, потомки Гедеминовичей. Далее шли потомки князей, потерявших свои суверенные права на владение (ростовские, суздальские, ярославские князья и др.). Особое положение занимали служилые князья, несшие службу великому князю на вассальной основе.

Пути формирования нетитулованной знати, как отмечает А. А. Зимин, были более разнообразными. Это не только старомосковская земледельческая знать, начинавшая возвышаться при московских правителях в начале XVI в. и составлявшая их опору. Продвинуться к подножию престола можно было и благодаря личным деловым качествам, преданности правителю. Наконец, как полагал исследователь, не исключалась и роль случайного фактора. Изучив баланс сил титулованной и нетитулованной знати при Дворе, А. А. Зимин выявил любопытную тенденцию: стремление великих князей московских опереться в своей деятельности на представителей из среды нетитулованной знати.

Значимым и концептуальным представляется основной вывод автора. Ставя под сомнение тезис о завершении создания централизованного государства к концу XVI в., А. А. Зимин порывает с традиционной историографией в трактовке сути процессов, происходивших во второй половине XVI в. как непримиримой борьбы боярства и дворянства между собой, своего рода «дворянской революции» по об-

разному выражению М. Н. Покровского. Судьбы российской аристократии, которая все более консолидировалась в одно сословие, все более связывались с исторической перспективой оформляющегося во второй половине XVI в. самодержавия. Не внутрисословные противоречия определяют вектор развития будущей опоры трона, а совместная с государем борьба с остатками удельного сепаратизма и децентрализацией государства [34].

Выводы А. А. Зимина нашли подтверждение в трудах его учеников и, прежде всего, В. Б. Кобрина. В. Б. Кобрин проанализировал состав и особенности княжеского землевладения в системе Русского государства, уделил особое внимание развитию поместной системы. Историк дополнил данные А. А. Зимина сведениями, которые стали известны после его смерти в 1980 г. Замысел ученого состоял в том, чтобы через эволюцию форм землевладения и привилегий землевладельцев рассмотреть политическую историю России XV–XVI вв. Автор рассмотрел землевладение служилых людей — бояр и детей боярских. Отмечая дискуссионность вопроса о появлении боярских вотчин в Северо-Восточной Руси, ученый пишет, что «во второй половине XVI в. мы застаем их уже в расцвете».

По мнению В. Б. Кобрина, в едином государстве шел процесс слияния разных групп «господствующего класса» в общерусский класс феодалов. Ученый отмечает как насильственный путь «достижения этой цели», так и то, что великие князья привлекали на свою сторону бывших независимых князей и их бояр посулами и привилегиями и, прежде всего, обещанием сохранения вотчин — земельных владений. Исследователь считает, что «привлечение на сторону объединительной политики правительства широких слоев класса феодалов поэтому и способствовало (особенно на первых порах) централизации».

Говоря о двух формах феодального землевладения, В. Б. Кобрин, поддерживая наблюдения А. А. Зимина, Ю. Г. Алексеева, А. И. Копанева, А. М. Сахарова и др. историков, полагает, что нет оснований для противопоставления этих категорий, но и для разделения феодалов на эти две категории. Выступая против традиционного тезиса о противопоставлении помещиков и вотчинников, историк подвергает критике и тезис об «извечной борьбе боярства и дворянства», которая по образному выражению ученого рассматривалась «обычно как главный стержень политической истории средневековой России». По мнению ученого, устоявшаяся историографическая традиция изжила себя, «в укреплении аппарата государственной власти, и соответственно в развитии крепостничества, и в расширении границ страны на западе и востоке были в равной степени заинтересованы все феодалы».

Вывод автора имеет концептуальное значение для дальнейшего изучения проблемы. Мысль о том, что в XVI в. для укрепления вооруженных сил страны еще не было необходимости широко привлекать в состав господствующего класса новые социальные слои, а достаточно было укрепить экономическое положение мельчавших вотчинных родов, представляется достаточно взвешенной и обоснованной. Крепнущая центральная власть была заинтересована в сохранении и укреплении феодального землевладения. Даже опричнина «не посягнула на структуру феодального землевладения, не изменила тенденций его развития», хотя со второй половины XVI в. усиливается роль государства в формировании земельной политики, его вмешательство в земельные отношения [35]. А. Л. Юрганов полагает, что на формирование удельно-вотчинной системы, на базе которой развивается поместно-вотчинная система — фундамент Российского государства большое влияние оказали монгольское право и монгольская система властвования, где главной была идея — власть ханского рода над всей территорией, а государство — достояние рода Чингисхана. Эта идея оказалась созвучной настроениям русских князей, пытавшихся рассматривать территорию русского государства как «отчину» великого князя [36].

Таким образом, в исследованиях о генезисе средневековой российской государственности выделяются две тенденции в развитии политической системы Российского государства XV–XVII вв. Первая была связана с курсом на жесткую централизацию власти, вторая — с опорой на земское начало. В конце XVI–начале XVII вв. в Российском государстве заметно обострился конфликт между двумя этими принципами организации государственного управления: земским и активно насаждаемыми сверху элементами бюрократической организации. В то же время историки далеко не единодушны в выводах о степени централизации и развитости управленческой системы в России XVII в. Так, ряд исследователей обращают внимание на архаичность аппарата управления и в XVII в. Средневековые черты в системе управления проявлялись, прежде всего, в системе обеспечения приказного аппарата, которое осуществлялось преимущественно за счет населения. В этом заключается отличительная особенность формирования аппарата управления российского самодержавия. Стоит согласиться с мнением С. О. Шмидта, что в России XVI–XVII вв. имела место не столько централизация, сколько бюрократизация управления.

В то же время хочется отметить, что ждут своего дальнейшего исследования такие важные составляющие политической системы Российской государственности XV–XVII вв., как Государев двор, институт местничества, система кормлений, которые оказали существенное влияние на генезис государственной власти России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лейберов И. П., Марголис Ю. Д., Юрковский Н. К. Традиции демократии и либерализма в России // Вопросы истории. 1996. № 2.
2. Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С. 273
3. Буганов В. И. Боярская дума. // Отеч. история. Энциклопедия. Т. 1 А–Д. М., 1994. С. 282.
4. Пашков Б., Шашкова О. Российская государственность от Ивана III до Екатерины II // Российская Федерация. 1994. № 15. С. 25.
5. Хорошкевич А. Л. Иван III // Отеч. история. Энциклопедия. Т. 2 Д–К. М., 1994. С. 304.
6. Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. М., 1985. С. 6.
7. Усов В. А. Цари и скитальцы: Ист. роман. Кобрин В. Б. Иван Грозный. СПб., 1992. С. 498.
8. Кривошеев Ю. В. О средневековой русской государственности (к постановке проблемы). СПб., 1995. С. 66.
9. Алексеев Ю. Г. Под знаменем Москвы: Борьба за единство Руси. М., 1992. С. 202–204.
10. Быстренко В. И. История государственного управления и самоуправления в России. Новосибирск; М., 1997. С. 12.
11. Алексеев Ю. Г. Реформы 60–90-х гг. XV в. в Русском государстве // Феодализм в России. С. 67.
12. Кривошеев Ю. В. О средневековой русской государственности. С. 71.
13. Быстренко В. И. История государственного управления и самоуправления в России. С. 17.
14. Анимица Е. Т., Тертышный А. Т. Местное самоуправление: история и современность. Екатеринбург, 1998. С. 42.
15. Назаров В. Д. Государев двор // Отеч. история. Энциклопедия. Т. 1 А–Д. М., 1994. С. 609.
16. Бенцианов М. М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV–середине XVI в.: Автореф ... дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 3–4.
17. Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. М., 1992. С. 251–252.
18. Назаров В. Д. Государев двор. С. 610.
19. Анимица Е. Т., Тертышный А. Т. Местное самоуправление. С. 42.
20. Исаев И. А. История России: Традиции государственности. М., 1995. С. 24.

21. Быстренко В. И. История государственного управления и самоуправления в России. С. 19.
22. Назаров В. Д. Земские соборы // Отечественная история. Энциклопедия. Т. 2 Д–К. М., 1996. С. 262.
23. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 34, 141–146.
24. Седов П. В. Подношения в московских приказах // Отеч. история. 1996. № 1. С. 148.
25. Носов Н. Е. Становление сословного представительства в России // Исторические записки. 1986. Т. 114. С. 175.
26. Шмидт С. О. Единое европейское государство // Родина. 1995. № 9. С. 71, 72.
27. Кром М. М. Когда отзвонил вечевой колокол // Родина. 1995. № 6. С. 39.
28. Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 283, 324.
29. Муравьев В. А. Абсолютизм // Отечественная история. Энциклопедия. Т. 1 А–Д. М., 1994. С. 15.
30. Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от Смутного времени до кануна Петровских времен. Л., 1986; Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII–первой половине XIX в. М., 1988; Шватченко О. А. Светские феодальные поместья в России во второй половине XVII в.: Ист.-географ. очерк. М., 1996; и др.
31. Власть и реформы: От самодержавия к советской России. СПб., 1996.
32. Отеч. история. 1998. № 2. С. 11–12.
33. Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 32, 38.
34. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии во второй половине XV — первой трети XVI вв. М., 1988.
35. Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. С. 47, 89, 91, 133, 135.
36. Юрганов А. Л. Удельно-вотчинная система и традиции наследования власти и собственности в средневековой России // Отеч. история. 1996. № 3. С. 106, 108, 110.

Валентина Павловна ПЕТРОВА —

докторант кафедры
отечественной истории
факультета истории и политических наук,
кандидат исторических наук, доцент

УДК 947+957

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КООПЕРАТИВНОГО МАСЛОДЕЛИЯ В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В 1921–1930 ГГ.

АННОТАЦИЯ. В статье на материалах Уральской области рассмотрены наиболее актуальные проблемы молочной кооперации и маслоделия в 20-е гг. Показан переход от производства масла в индивидуальном хозяйстве к колхозно-государственным предприятиям.

The article is devoted to the activity of dairy and creamery co-operative societies in the Ural region in the 1920s.

Уральская область была образована в 1923 г. из Екатеринбургской, Пермской, Челябинской, Тюменской губерний. Территория Урала являлась до революции одним из основных районов производства масла и сыра. В 1913 г. здесь было выработано 1390 тыс. пудов масла [1]. Годы революций и Гражданской войны значительно подорвали уровень маслоделия в крае, и восстановление его началось лишь после введения новой экономической политики. Определенную роль в этот пери-